

ной собственности, потому что это невозможно, а в том, чтобы включить ее в самые тесные пределы»¹⁶⁰ и тем самым создать условия, при которых каждый имел бы свою долю в общем богатстве, пропорциональную результатам его труда. Подобно Руссо, Сен-Жюст идеализирует свободное от феодального гнета мелкое крестьянское хозяйство, совершенно не отдавая себе отчета в том, что оно исторически является исходным пунктом развития капиталистического хозяйства, неизбежно ведущего к новой, еще более глубокой имущественной дифференциации.

Искренне стремясь к улучшению положения неимущих, Сен-Жюст не смог, как и все великие, но буржуазные революционеры XVIII в., понять подлинные причины социального зла, не в состоянии был провидеть действительные пути разрешения проблемы общего счастья. Выступая за дальнейшее углубление революции в интересах бедноты, стремясь к уничтожению социального неравенства путем уравнивания бедности и богатства, ограничивая частную собственность богачей правами бедных, Сен-Жюст тем самым принципиально посягал на неприкосновенность частной собственности. Вместе с тем он признавал право частной собственности священным. В этом его противоречивом отношении к собственности ярко проявлялась вся двойственность и ограниченность буржуазно-революционного демократизма Сен-Жюста и якобинцев.

Отдавшись с самого начала своей политической деятельности борьбе с прогнившим феодально-абсолютистским строем, Сен-Жюст еще накануне революции в поэме «Органт» подвергал едкому осмеянию феодальные учреждения, законы, мораль. Сен-Жюст страстно борется против всех этих устоев феодализма в годы революции и, в особенности, в период ее высшего подъема — якобинской диктатуры. Он стремится к созданию, взамен старых, отживших или отживающих устоев, учреждений, морали, новых, республиканских установлений (institutions), устоев, норм, которые, охватывая все стороны жизни нового человека и гражданина, содействовали бы укреплению и успешному развитию демократической республики.

В своих речах зимой и весной 1794 г. он неоднократно возвращается к этому вопросу. «Нам не хватает установлений, которые являются душой республики, — подчеркивает он эту свою основную мысль в докладе 26 февраля 1794 г., — мы совершенно лишены гражданских законов, которые освещают наше счастье, наши естественные отношения и разрушают элементы тирании»¹⁶¹. «Мы знаем только одно средство воспрепятствовать злу: это утвердить наконец гражданское состояние революции и начать войну со всеми проявлениями разло-

¹⁶⁰ J. J. Rousseau, *Du Contrat social*, Paris, 1903, p.p. 191—192, note 31.

¹⁶¹ Saint-Just, *Oeuvres complètes*, t. II, p. 230.

жения, проникшего в нашу среду с намерением обессилить республику»¹⁶², — заявляет он в докладе 13 марта 1794 г. «Создайте гражданские установления, о которых до сих пор совершенно не думали. Без них нет прочной свободы, они поддерживают любовь к родине и революционный дух даже тогда, когда революция прошла»¹⁶³, — призывает Сен-Жюст Конвент 15 апреля 1794 г.

Сен-Жюст упорно трудился над разработкой основ таких республиканских установлений, таких социальных, правовых институтов, над характеристикой таких норм общественной морали, нравственности и этики, о чем свидетельствуют сохранившиеся после его смерти разрозненные записи, изданные впоследствии под названием «Республиканские установления». «Установления — это гарантия правительства против скверных обычаев и гарантия народа и гражданина против разложения правительства. Цель установлений — вложить в разум гражданина и даже ребенка понятие о законном сопротивлении всему несправедливому, склонить должностных лиц и молодежь к добродетели, мужчин к скромности и мужеству, чуткости и справедливости... создать дружную семью, развить дружественные чувства среди граждан; поставить на первое место благополучие народа; подавлять всякие преступные замыслы, сделать простыми и чистыми сердца и тем образовать родину»¹⁶⁴. «Цель установлений создать общественную и личную защиту человека, предохранить людей от насилий и раздора, поставить влияние нравственности выше влияния людей»¹⁶⁵. И далее: «Все пойдет хорошо, если у нас будут хорошие нравы, нужны учреждения, чтобы их улучшать... Террор смог нас избавить от монархии и аристократии, но что нас предохранит от падения нравов? Республиканские установления»¹⁶⁶.

Подобно своим учителям — французским просветителям XVIII в., Сен-Жюст не понимал объективных материальных законов исторического развития и активной роли практической производственной деятельности, общественных отношений людей. Рассматривая развитие общества с идеалистических позиций и руководствуясь формулой: «мнения правят миром», он придавал непомерно большое значение роли мудрых и чуть ли не всемогущих законодателей. Законодатель управляет будущим, полагал Сен-Жюст, ему нельзя быть слабым. Это он должен сделать людей такими, какими он хочет, чтобы они были и, смотря по тому, в какой степени законы оживляют

¹⁶² Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 230.

¹⁶³ Ibidem, p. 385.

¹⁶⁴ Ibidem, p. 492.

¹⁶⁵ Ibidem, p. 495.

¹⁶⁶ Ibidem n 501.

общественный организм, инертный сам по себе, и получаются добродетели или преступления, добрые нравы или жестокость. Необходимость республиканских установлений, то есть воплощенных в законах социальных, общественных, этических норм взаимоотношений и поведения граждан, «институтов», основ, устоев,— он не ставил в зависимость от экономического строя. Напротив, он был убежден, что само развитие последнего определяется взглядами людей, нравами, политическими, правовыми институтами общества, зависит от них.

Эти «республиканские устои», способствующие осуществлению уравнивательных принципов и, должны были, по мнению Сен-Жюста, разрешить важнейшую задачу формирования нового мировоззрения, привести к моральному возрождению французов, к достижению гармонии интересов человека (частных) и гражданина (общественных). Во всем этом проявляется влияние на Сен-Жюста этики французских просветителей, видевших в идеале добродетели (*vertu*) основу истинной человеческой нравственности. «Эту добродетель,— писал Монтескье,— можно определить как любовь к законам и отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей»¹⁶⁷.

Нравственность, общественную добродетель Сен-Жюст, подобно Монтескье, считал основным принципом республики. Политика республики «должна включать в себя обширный план морального возрождения». Он говорил, обращаясь к Конвенту: «умертвив тирана, но не умертвив разложения, при помощи которого прислужники иностранных государств ведут страну к монархии, вы еще ничего не сделали. Безнравственность — это феодализм в жизни общества. При нем каждый, стремясь лишь к своему личному благополучию, охотно жертвует ради него себе подобными и не очень беспокоится о том, счастлив ли, свободен ли его сосед»¹⁶⁸.

Добродетель, забвение себя во имя общего блага, противопоставляется Сен-Жюстом эгоизму частных интересов. «Дело в том, чтобы приучить к добродетели черствых людей, которые живут только для себя»¹⁶⁹, заявляет он в речи о продовольствии. Образцом добродетели является его идеал подлинного революционера, непоколебимого, непримиримого к врагам революции, дорожащего славой своей родины и свободой, умеренного в потребностях, предельно скромного, безукоризненно честного, искреннего. «Революционер — это герой здравого смысла и честности»¹⁷⁰. Революционер должен воспламеняться только для общественного блага. «Пылкость,— говорил Сен-

¹⁶⁷ Ш. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955, стр. 191.

¹⁶⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 266, 271.

¹⁶⁹ Ibidem, t. I, p. 380.

¹⁷⁰ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. I, p. 379.

Жюст, — заключается в непоколебимом решении защищать права народа и Конвента; она — в презрении к богатству и в мужественной простоте нравов; пылкость, а не ярость, является добродетелью»¹⁷¹.

Этот идеал революционера, черты которого мы видим в облике самого Сен-Жюста, вдохновлял и вел на подвиг многих борцов революции, лучших «якобинцев с народом». А. И. Герцен писал о необходимости для революционера обладать «не только тактом и верностью взгляда, но и той дерзостью, которую Сен-Жюст считал необходимой для революционера»¹⁷².

Видя в добродетели, наряду со свободой и справедливостью, основное условие достижения главной цели — «общественного блага», к обеспечению которого должны стремиться законодатели¹⁷³, Сен-Жюст этическими средствами обосновывает новые общественные отношения, которые должны были сложиться в его идеальной демократической республике. Он стремится так построить нравственные основы общества, чтобы вся обстановка, в которой люди живут воспитывала их, способствовала их просвещению, чтобы она на опыте доказывала человеку связь его собственного благополучия с благополучием всего общества.

Воспитание, которому Сен-Жюст придает почти самодедущее значение, является в его глазах важнейшим идейным средством достижения добродетели. «Заставить выполнить законы, касающиеся воспитания — вот секрет»¹⁷⁴, — заносит он в свою записную книжку.

В начертанной им системе воспитания¹⁷⁵ Сен-Жюст исходит из того, что всем гражданам необходимо дать широкое равное общее образование, которое бы сочеталось с производственным трудом, с гармоническим физическим и моральным развитием. Сен-Жюст полагал, что интересы нации требуют не только образования, но прежде всего, единого, всеобщего национального воспитания. Если до пятилетнего возраста ребенок принадлежит матери, при условии, что она его кормит, то далее, по мысли Сен-Жюста, должно следовать воспитание общественное, проводимое в спартанском духе. «Ребенок, гражданин принадлежит родине. Необходимым является общественное воспитание... Мальчики воспитываются родиной от пяти до 16 лет»¹⁷⁶. Все дети в этом возрасте одеты одинаково,

¹⁷¹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. I, p. 385.

¹⁷² А. И. Герцен, Былое и думы, Л., 1946, стр. 399.

¹⁷³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. p. 492, 508, 509.

¹⁷⁴ Ibidem, p. 536.

¹⁷⁵ См. фрагмент «О воспитании» (Ibidem, t. II, p. p. 516—519), другие версии (см. Stefane-Pol, De Robespierre à Fouché: notes de police, Paris, 1906, p. p. 67—71) не имеют существенного отличия.

¹⁷⁶ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 517.

пользуются общественным питанием. Дети от 5 до 10 лет учатся читать, писать и плавать, с 10 до 16 лет они обучаются военному делу, земледелию и языкам. С 16 до 21 года учащиеся изучают различные науки, выбирают профессию и трудятся в земледелии, промышленности или во флоте. Школы частично должны содержаться за счет национальных имуществ. Воспитанием детей с пяти до десяти лет должны заниматься только люди старше 60 лет, безупречно прожившие свою жизнь и получившие за это белый «шарф старости». Учителями могут быть земледельцы, промышленники, купцы. Все граждане в возрасте от 21 до 25 лет, исключая занятых в магистратуре, поступают в национальную армию. Девочки должны получать домашнее воспитание.

Важную роль в системе воспитания и сохранения чистоты нравов играет институт цензуры, заимствованный из истории Рима, хотя и отличающийся несколько своими формами. Цензоры, функции которых выполняют старики, имеющие «шарф старости», призваны следить за чистотой нравов молодежи и общественных служащих.

Идеологической основой воспитания должен был служить культ Природы и его логическое завершение — культ Верховного Существа, в которых, по мнению Сен-Жюста, была заключена высшая нравственная сила, призванная способствовать возникновению добродетели. Культ Верховного Существа, подобно «гражданской религии» Руссо, призван был укреплять всеобщую гармонию, провозглашать и утверждать святость свободы и гражданской добродетели в наслаждении благами земли. Большое место при этом Сен-Жюст отводит религиозным национальным празднествам, посвященным Природе и различным добродетелям, организуемых в первый день каждого месяца по революционному календарю, поочередно в честь Верховного существа, природы, народа и какой-нибудь из добродетелей — любви, супружеской верности, победы, мудрости, патриотизма, молодости и старости, труда, бессмертия души и пр.¹⁷⁷ Имея в виду таблицу, предложенную Сен-Жюстом, такого рода праздников В. Г. Белинский отмечал ограниченность взглядов Сен-Жюста в этой области¹⁷⁸.

Отводя столь большое место культу Верховного Существа, Сен-Жюст, естественно, резко осуждает «нетерпимый и фанатичный»¹⁷⁹ атеизм, как признак отсутствия добродетели, безнравственность, считает его политическим преступлением против республики. «Пусть французы преклоняются перед разумом, но пусть разум не забудет о божестве»¹⁸⁰, — говорил

¹⁷⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 525.

¹⁷⁸ См В. Г. Белинский, Собр соч, т. I, М., 1948, стр. 434.

¹⁷⁹ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 230.

¹⁸⁰ Ibidem, p. 314.

Сен-Жюст в Конвенте, осуждая «дехристианизаторскую» деятельность Эбера и Шометта.

Проблема уничтожения неравенства и создания новых, республиканских учреждений занимает важное место во французской буржуазной революции. «Действительно большой вопрос, стоявший перед французской революцией, заключался в уничтожении неравенства и в создании учреждений, способных обеспечить французскому народу то счастливое существование, которое до сих пор никогда не бывало уделом масс. Если мы будем испытывать деятелей революции на этом оселке, то легко найдем им правильную оценку»¹⁸¹, — говорил, высказывая мысли, которыми он был, вероятно, обязан Ф. Энгельсу чартист Д. Гарни.

Речи и произведения Сен-Жюста доказывают, что он глубоко сознавал необходимость уничтожения неравенства и создания таких учреждений, которые обеспечили бы французскому народу счастье, но его мелко-буржуазная ограниченность, идеалистический подход к пониманию развития общества, господствовавший в буржуазном мировоззрении XVIII века, не позволили ему найти верное решение этих вопросов.

Вантозские декреты

Вскоре после возвращения из миссии в Северную армию, 19 февраля 1794 г. (1 вантоза II г) Сен-Жюст избирается президентом Конвента, обязанности которого он выполнял по 6 марта 1794 г. (16 вантоза)¹⁸². Поскольку Конвент призывал к обязанностям президента последовательно наиболее выдающихся своих членов, избрание Сен-Жюста являлось признанием и высокой оценкой его деятельности в предшествовавший период.

На заседании Конвента 22 февраля депутаты Тайфер и Бреар сообщили, что во многих местностях Франции проникшие в состав революционных комитетов темные личности злоупотребляют вверенной им властью и часто подвергают аресту без всяких оснований честных патриотов. Конвент постановил предложить обоим правительственным Комитетам представить доклад о способах прекращения у подобных злоупотреблений. Составление этого доклада Комитеты поручили Сен-Жюсту.

26 февраля 1794 г. (8 вантоза II г.) Сен-Жюст выступил перед Конвентом с докладом «О лицах, заключенных под стражу», в котором он намечает ряд мер, необходимых для укрепления республики, сохранение которой он провозглаша-

¹⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 593.

¹⁸² А. Олар, Политическая история французской революции, М., 1938 стр. 393.

ёт «первым законом из всех законов»¹⁸³. По его мнению, республику может укрепить «только полное уничтожение всего, что ей враждебно»¹⁸⁴. Он обосновывает и оправдывает меры революционного насилия, применяемые по отношению к врагам свободы, как весьма умеренные по сравнению с жестокостью монархических правительств по отношению к защитникам народных интересов. Он осуждает деятельность «снисходительных», т. е. дантонистов, настаивавших на прекращении революционного террора. «Люди, требующие освобождения аристократов, не хотят установления республики и дрожат за самих себя. Жалость по отношению к предателям — это явный признак измены»¹⁸⁵, утверждает Сен-Жюст. Он напоминает Конвенту, что снисходительность к врагам революции в первые ее годы содействовала развязыванию в стране гражданской войны, которая принесла французскому народу неисчислимы бедствия. Сен-Жюст не оставляет противникам якобинской диктатуры никаких надежд относительно возможности ее отказа от насильственных, непосредственно революционных, «плебейских» методов борьбы: «Пусть никто не обольщается надеждой основать крепкое государство без всяких трудностей, — говорил он, — нужно долго бороться против всяких притязаний, и так как интересы отдельных людей непримиримы, то свобода народа может быть основана только при помощи меча»¹⁸⁶. Сен-Жюст призывает укреплять народное революционное правосудие, считая его более опасным для врагов республики, чем террор. Он тем самым осуждает эбертистов, выступавших за еще более широкое применение террора против богатых, надеявшихся при его помощи осуществить все выдвигаемые ими политические и социально-экономические требования и добивавшихся коренной реформы системы революционного правосудия — отказа от постоянного и определенного состава революционного трибунала, упразднения обычного судопроизводства и замены его импровизированными народными судами. Сен-Жюст предупреждал об опасности чрезмерного усиления террора, не вызываемого необходимостью защиты республики. Для этого он считал необходимым укрепить административный аппарат, установив строгую ответственность должностных лиц перед народом.

Развивая социально-политические идеи якобинского эгалитаризма Сен-Жюст призывает Конвент обратить революцию на пользу ее защитникам-беднякам, передав им имущество врагов революции.

¹⁸³ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 233.

¹⁸⁴ Ibidem, p. 231.

¹⁸⁵ Ibidem, p. 232.

¹⁸⁶ Ibidem, p. 235.

По докладу Сен-Жюста Конвент принял декрет, гласивший «1. Комитету общей безопасности дается право освободить заключенных патриотов. Всякий, кто потребует освобождения, должен представить сведения о своем поведении, начиная с 1 мая 1789 г.

2. Собственность патриотов священна и неприкосновенна. На имущество лиц, признанных врагами революции, накладывается секвестр в пользу республики, эти лица должны находиться под арестом впредь до заключения мира, когда они будут отправлены в вечное изгнание»¹⁸⁷.

3 марта 1794 г. (13 вантоза II г.) Сен-Жюст выступил на заседании Конвента с докладом «О способе осуществления декрета, направленного против врагов революции». Еще раз подчеркнув, что для укрепления революции необходимо срочно осуществить самые энергичные меры улучшения материального положения ее защитников, он указывает на международное значение декретированных радикальных мер. «Пусть знает Европа, что вы не допустите больше, чтобы на территории Франции были угнетенные и угнетатели. Пусть этот пример оплодотворит землю, пусть он распространяет повсюду любовь к добродетели и счастье! Счастье — это новая идея в Европе»¹⁸⁸.

Принятый по этому докладу Конвентом декрет обязывал все коммуны республики «произвести перепись всех неимущих (indigents) патриотов, указав их фамилии, возраст и профессию, а также число и возраст их детей» и направить списки в Комитет общественного спасения.

Комитет общественного спасения, получив эти списки, должен был доложить Конвенту о способах передачи беднякам (malheureux) имущества врагов революции, список которых ему представит Комитет общей безопасности.

Вслед за тем этот Комитет даст все необходимые точные указания наблюдательным комитетам республики, чтобы они в срок, который будет указан особо для каждого района, в зависимости от его отдаленности, представили ему список имен и сведения о поведении всех, кто был задержан, начиная с 1 мая 1789 г. Те же меры будут приняты по отношению ко всем, кто подвергнется аресту позже указанного срока»¹⁸⁹.

Это и были известные вантозские декреты.

История аграрных отношений накануне и в период революции убедительно показывает, что все помыслы неимущего

¹⁸⁷ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 241.

¹⁸⁸ Ibidem, p. 248.

¹⁸⁹ Ibidem, p. 249. В тексте, опубликованном в „Moniteur“ (№ 164, 1. III, 1794), помещена еще четвертая статья: „Комитет общей безопасности должен добавить к настоящему декрету инструкцию, облегчающую его выполнение“.

крестьянства, стремившегося выбиться из нужды, были направлены на то, чтобы получить хоть немного земли. Но все аграрное законодательство революции принесло непосредственные выгоды прежде всего зажиточным элементам. Беднота не получила земель духовенства, немного досталось ей и земель эмигрантов, так как их приходилось, по-прежнему, покупать, хотя и на новых, гораздо более льготных условиях, введенных якобинской диктатурой. Что касается принятых ею ранее декретов о бесплатном наделении бедноты землей, то они фактически не осуществлялись. Поэтому вантозские декреты, дававшие возможность получить землю и другое имущество за счет врагов революции, вызывают у неимущих крестьян радужные надежды. Вопреки утверждению А. Собыля о том, что эти декреты «не произвели большого впечатления на санкюлотов»¹⁹⁰, они с большим сочувствием были встречены и городским плебейством, надеявшимся тем самым поправить свое бедственное положение. Один из агентов доносил: «Во всех группах, во всех кафе только и говорят о декрете, предписывающем распределение имущества аристократов среди санкюлотов. Этот демократический закон *возбудил всеобщую радость, граждане поздравляют и обнимают друг друга*. «Вот,— говорил один, декрет, который значит больше, чем десять сражений, выигранных у неприятеля. Какую новую энергию он придаст солдатам свободы! Теперь они смогут сказать: у нас есть отечество и мы сражаемся за него»¹⁹¹. Другой агент сообщал: «санкюлоты теперь были уверены, что у них будет где преклонить голову»¹⁹². Депутация от секции Брута, выражая Конвенту благодарность за этот декрет, обещала поддерживать монтаньяров и высказывалась против призывов к восстанию «интриганов и ложных патриотов» «Санкюлоты вас поздравляют с декретом о заключенных, который вы издали... Это будет единственной мерой, которая сможет провозгласить, что царство равенства будет установлено окончательно»¹⁹³.

Всеобщее одобрение вызвали эти декреты и среди якобинцев и санкюлотов провинции. Клуб в Arinthod (Юра) в своем адресе Конвенту высказывал пожелание, чтобы бедняки, которые слишком долго были жертвами спекуляций богачей, увидели свою свободу укрепленной земельной собственностью и чтобы добрые граждане обогатились имуществом изменников¹⁹⁴. Клуб якобинцев в Тьере (Thiers, деп. Пюи-де-Дом) постановил, что «доклад Сен-Жюста и декрет 8 вантоза будут

¹⁹⁰ А. Собыль, Цит. соч., стр. 151.

¹⁹¹ С. А. Dauban, Paris en 1794 et en 1795, Paris, 1859, p. 151.

¹⁹² См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 28.

¹⁹³ „Monteur“, № 171, II, III, 1794.

¹⁹⁴ См. А. Mathiez, Girondins et Montagnards, Paris, 1930, p. 123.

прочитаны в ближайшую декаду... и что будет принято обращение к Конвенту с целью выразить свое глубокое удовлетворение этим декретом»¹⁹⁵. 5 марта, в день получения текста декрета 8 вантоза наблюдательный Комитет Тьера по своей инициативе начал перепись подозрительных и их имущества¹⁹⁶. Изабо, посланный в миссию в Бордо, в донесении Конвенту сообщал, что декрет 8 вантоза с большим успехом был прочтен там публично¹⁹⁷. Народное общество Нанси в своем обращении просило Конвент ускорить суд над подозрительными и передачу их имущества санкюлотам. Аналогичные пожелания высказывались и в других местах¹⁹⁸.

Понятна та восторженная оценка декрета 8 вантоза, которую ему дал Шометт, говоривший, что «по превосходному и основательному докладу Сен-Жюста Национальный Конвент издал спасительный и один из самых демократических декретов, какие только существуют, декрет о наделении бедноты собственностью за счет конфискованных имуществ врагов революции»¹⁹⁹. Выступая в Якобинском клубе 26 февраля 1793 г. левый якобинец Колло д'Эрбуа положительно оценивал этот декрет и доклад Сен-Жюста и выражал свое горячее желание принять личное участие в широкой его пропаганде²⁰⁰. Подыгрываясь под настроение масс, издание этих декретов лицемерно приветствовали в Конvente Дантон и в Якобинском клубе будущий термидорианец Тальен²⁰¹.

Беднота надеялась, что вантозские декреты положат начало радикальным преобразованиям, которые приведут к установлению социального равенства. В ряде мест уже в первые дни после опубликования декретов принимаются первые подготовительные меры для их осуществления. В то же время вантозские декреты вызывают настороженность и скрытое недовольство со стороны хищнических спекулятивных элементов городской и сельской буржуазии, усиленно обогащавшихся при помощи всевозможных незаконных махинаций и постоянно рисковавших поэтому оказаться в категории «подозрительных»²⁰². Состоятельная провинциальная городская буржуазия и сельская буржуазия — богатые фермеры также отнюдь не

¹⁹⁵ R. Schnerb, Le club des Jacobins de Thiers et l'application de lois de ventose, „Annales historiques de la Révolution française“, 1929, p. 287.

¹⁹⁶ Ibidem, 1929. Декрет о составлении списков Комитетом общественного спасения был принят только 6 марта (16 вантоза) 1794 г.

¹⁹⁷ См. сообщение Тальена в Конvente 24 вантоза („Moniteur“, № 176, 16. III 1794).

¹⁹⁸ A. Mathiez, Girondins et Montagnards, p. 123.

¹⁹⁹ „Moniteur“, № 169, 9. III 1794.

²⁰⁰ A. Aulard, La Société des Jacobins, t. V, p. 664—666.

²⁰¹ Ibidem, t. VI, p. 5.

²⁰² Кроме того, они рассчитывали приобрести земли осужденных «врагов революции».

намерены были допустить переход земель «подозрительных» в руки бедноты, ибо, во-первых, они сами зарылись на эти земли, а, во-вторых, превращение беднейших крестьян в самостоятельных мелких собственников привело бы к сокращению, а, следовательно, и вздорожанию наемной рабочей силы в деревне, а отчасти и в городах.

Стремясь запугать бедноту, противники вантозских декретов распространяли среди неимущего населения всевозможные слухи о том, что попавшие в списки «неимущих» будут выселены из Франции в ее колонии — на отдаленные острова и т. д.

В силу этих причин проведение в жизнь вантозских декретов натолкнулось на пассивное сопротивление буржуазии как в центре, так и на периферии.

Исследователи уже обращали внимание на юридическую нечеткость в определении категории бедняков, о наделении которых имуществом врагов революции шла речь в этих декретах. Действительно, здесь говорилось о переписи «неимущих патриотов» (*indigents*) и передаче имущества «беднякам» (*malheureux*). Эти же термины Сен-Жюст употребляет в своих докладах в Конвенте. В своих «Республиканских учреждениях» Сен-Жюст употребляет термин бедняки (*les pauvres*). Различна, но также нечетка терминология и в циркулярах Комитета общественного спасения. Однако, мнение²⁰³ о нарочито туманном (в тактических целях) характере определения термина «неимущие» (*indigents*) нам представляется неубедительным.

Употребление термина «неимущие» для характеристики бедноты, то есть социальных групп, противостоящих богачам, крупной буржуазии у Сен-Жюста, по нашему мнению, не является умышленно неопределенным. В период французской буржуазной революции конца XVIII века рабочие, ремесленная беднота и разоряющиеся и пролетаризирующиеся слои мелкой буржуазии не отличались резко по своему материальному положению. Условия жизни последних нередко были еще хуже положения наемных рабочих. Сен-Жюст неоднократно употребляет, как было отмечено выше, именно этот термин в предшествующий период своей деятельности, в частности, находясь в миссии в армии. Из средств, полученных в результате принудительного обложения богачей Страсбурга и Нанси, он выделяет крупные суммы для оказания помощи бедноте, употребляя именно этот термин — «неимущие патриоты» (*patriotes indigents*). Таким образом, умышленно неопределенного в этом термине ничего нет, хотя по своему характеру он довольно сложен и требовал уточнений. Вероятно, именно поэтому,

²⁰³ Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, Л., 1936, стр. 62. А. Л. Нарочницкий, Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января по апрель 1794 г. «Ученые записки Московского гос. пединститута им В. И. Ленина», т. XXXVII, 1946, стр. 120.

например, директория департамента Пюи-де-Дом внесла в бланки списков неимущих специальное примечание, в котором призывала должностных лиц тщательно «взвесить» значение понятия «*patriotes indigents*», выяснить поведение этих граждан с самого начала революции. Вместе с тем здесь обращалось внимание на имущественную сторону дела: поскольку декрет 13 сентября 1793 г. о порядке приобретения имуществ эмигрантов относил к категории «неимущих» тех, кто не имел никакой собственности и не был включен в списки налогоплательщиков, то в данном случае предлагалось учитывать, что, хотя некоторые неимущие граждане по характеру их ремесла могли быть внесены в эти списки, их все же, ввиду их бедности, следует теперь внести в списки для оказания помощи на основании вантозских декретов, если они являются при этом патриотами²⁰⁴.

Таким образом, вантозские декреты имели в виду в первую очередь улучшение положения тех групп бедноты, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть революции, как ее активные участники и защитники.

Проведение в жизнь вантозских декретов требовало большой подготовительной работы. Необходимо было рассмотреть не менее 90 тысяч дел находившихся в тюрьмах «подозрительных», попадавших в категорию «врагов революции», составить описи имуществ осужденных врагов революции и списки «неимущих патриотов» по всей Франции. Отсутствие согласованности действий правительственных комитетов и департаментской администрации и прямой саботаж многих ее членов, подавляющее большинство которых принадлежало к буржуазии, очень замедлили осуществление всех этих мер. Противники вантозских декретов прилагали все усилия к тому, чтобы помешать проведению подготовительных работ к их осуществлению. Комитет общественного спасения предписывал муниципалитетам составлять списки в соответствии с декретом 13 вантоза; в то же время министр внутренних дел Паре, чья связь с Дантоном была общеизвестной, ведя переписку непосредственно с администрацией департаментов, минуя правительственные Комитеты, всячески стремился обеспечить раздачу десятиmillionного вспомоществования, вотированного Конвентом 1 февраля 1794 г. (13 плювиоза II г.) в пользу всех коммун республики²⁰⁵, что не может быть расценено иначе, как косвенная попытка затормозить подготовку осуществления вантозских декретов.

²⁰⁴ R. Schnerb, Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy-de-Dôme, „Annales historiques de la Révolution française“, 1934, № 5, p. 419—420.

²⁰⁵ См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, стр. 63.

С целью ускорить осуществление этих подготовительных мер Комитет общественного спасения направляет в департаменты ряд специальных циркуляров, прибегает к помощи депутатов Конвентов в миссии. В циркуляре от 20 марта 1794 г. читаем: «Сильный удар был необходим, чтобы убить аристократию. Национальный Конвент ударил по ней. Несчастная беднота должна вернуться к собственности, которую преступление захватило у нее. Конвент провозгласил ее права... Комитет общественного спасения приглашает вас всеми имеющимися средствами, которые доверила вам национальная власть, ускорить работу муниципалитетов, наблюдательных комитетов, которым поручено составить списки, образцы которых прилагаются. Революция является делом рук народа, пришло время, чтобы он им воспользовался»²⁰⁶.

С целью «предупредить все трудности, устранить сомнения, освободить от препятствий, ускорить проведение революционных мер и определить точно действия» местных наблюдательных комитетов, 11 апреля (22 жерминаля) за подписью всех членов обоих Комитетов был послан циркуляр, в котором давались пространные указания по поводу выполнения всех подготовительных работ. В случае затруднений предлагалось обращаться за решением вопроса к собраниям сограждан, проявляя при этом величайшую бдительность²⁰⁷.

Сен-Жюст энергично настаивал на скорейшем проведении в жизнь вантозских декретов. В своей речи в Конвенте 13 марта 1794 г., имея в виду вантозские декреты, он обращал внимание депутатов на необходимость осуществления принимаемых решений, как на непременное условие достижения победы над врагами. «Следует признать одну истину: если мы удовольствуемся простым изложением принципов и не проведем их в жизнь, как это с нами слишком часто случалось, мы не почерпнем в них силы для борьбы с врагами народа»²⁰⁸. По предложению Сен-Жюста, Конвент постановил: «Будет назначено шесть народных комиссий, которым надлежит в срочном порядке рассмотреть дела врагов революции, содержащихся в тюрьмах. Комитет общей безопасности и Комитет общественного спасения должны совместно обсудить вопрос об организации и составе комиссий»²⁰⁹.

В своей речи 15 апреля 1794 г. Сен-Жюст вновь настаивает на выполнении принятых декретов. Теперь Конвент по-

²⁰⁶ A. Aulard, Recueil des actes du Comité de salut public... t. XII, p. 73.

²⁰⁷ R. Schnerb, Les lois de ventôse... „Annales historiques de la Révolution française“, 1934, № 5, p. 408. Шнерб предполагает, что текст циркуляра принадлежит Сен-Жюсту. Документ у Олара и Веллэ отсутствует.

²⁰⁸ Saint-Just, Oeuvres complètes, t. II, p. 212.

²⁰⁹ Ibidem, p. 278.

становил, чтобы народные комиссии были созданы к 4 мая (15 флореаля). Однако, вследствие указанных выше причин это дело затянулось. Только 13—14 мая 1794 г. (24 и 25 флореаля) были образованы две из шести «народных комиссий»²¹⁰, которые и приступили к рассмотрению поступивших в их распоряжение дел «подозрительных», которых, по сообщению Барера, к 11 мая 1794 г. Комитеты получили около 40 000. Для связи с администрацией департаментов Комитетом общественного спасения было создано «Бюро неимущих», следившее за составлением списков неимущих на местах.

Что касается остальных четырех «народных комиссий», то они так и не были созданы.

Саботируя осуществление вантозских декретов, «болото» Конвента и часть членов правительственных Комитетов стремились толковать их как акт благотворительности, осуществляемый не путем распределения среди «неимущих патриотов» имуществ «подозрительных» (в первую очередь, принадлежавших им земель), а путем роздачи им падавших в курсе ассигнаатов, получаемых от продажи этих земель после их конфискации, и присоединения к другим «национальным имуществам».

Для этой цели уже 16 вантоза противники Робеспьера справа — Мерлен де Тионвиль, Тюрио и Дюгем потребовали в Конвенте оказать неимущим немедленную помощь и принять срочные меры для искоренения нищенства. Было решено передать министерству внутренних дел 500 тысяч ливров «чтобы временно прийти на помощь убогим, несостоятельным и нетрудоспособным гражданам» и в самом ближайшем будущем заслушать доклад о мерах для уничтожения нищенства на всей территории республики.

Вот это действительно был контрманевр противников робеспьеристов справа, принявший реальные очертания в докладе по этому вопросу Барера, сделанном им 11 мая 1794 г. (22 флореаля II г.), в котором понятие о «неимущих» служило для определения только нетрудоспособных лиц, наделять которых землей было бы, конечно, бесцельно, а тем самым отвергался основной смысл вантозских декретов, ибо Барер отнюдь не имел в виду обеспечить неимущих непосредственно путем передачи им имуществ «подозрительных». И хотя декреты 8 и 13 вантоза не были отменены, они фактически подменялись теперь этим новым мероприятием.

Вместо составления списков «неимущих патриотов», как это предписывал декрет 13 вантоза, теперь на местах во многих случаях занялись составлением списков для внесения в

«Книгу национальной благотворительности», куда включали преимущественно стариков, калек, сирот и т. д., как нуждающихся в помощи в первую очередь. При этом сама работа по составлению списков надолго утонула в волоките на местах.

Как свидетельствует сохранившийся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подлинник извещения посланного администрацией дистрикта Ду-Марат гражданке Мари Елизавете Шателеп, занесенной в «Книгу национальной благотворительности» для получения выделенной ей помощи, первая выдача пособия согласно закону 22 флореаля состоялась в этом дистрикте только 20 фримера III года (10 декабря 1794 г.²¹¹) из сумм, направленных национальным казначейством. Из этого документа мы узнаем, что последнее предоставило в распоряжение властей дистрикта сумму в 9830 ливров для распределения среди земледельцев, ремесленников, матерей и вдов, обремененных детьми, и пожилых вдов или нетрудоспособных, которые записаны в «Книге национальной благотворительности». То, что данное лицо действительно находится в состоянии нужды (*état d'indigence*) в каждом отдельном случае должен был подтвердить национальный агент коммуны²¹².

Подчеркивая бесплодность принятых буржуазией мер, направленных на искоренение пауперизма, К. Маркс, имея в виду декрет 22 флореаля, писал: «Каков был результат постановления Конвента?— Результат был тот, что на свете стало одним постановлением больше и что спустя один только год после этого Конвент был осажден изголодавшимися женщинами»²¹³.

Поглощенный руководящим участием в организации разгрома войск монархической коалиции, в укреплении государственного аппарата и разрешении других важнейших вопросов, Сен-Жюст в то же время не упускал из виду и вантозские декреты. Он стремился преодолеть саботаж имущих слоев буржуазии и администрации и добиться их осуществления.

19 июня (1 мессидора) 1794 г. Комитет общественного спасения специальным циркуляром за подписью Сен-Жюста уведомлял национальных агентов дистриктов о том, что «декрет 22 флореаля и все позднейшие законы об общественной помощи и искоренении нищенства отнюдь не освобождают муниципалитеты от представления списков неимущих своих коммун в

²¹¹ См. L'administration du district de Doubs—Marat, ci—devant Saint-Hyppolite à la citoyenne Marie Elisabeth Chatelain. Архив ИМЛ., ф. 320, оп. 2, л. 1.

²¹² Там же.

²¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 439. Имеются в виду восстания парижского плебса в жерминале и прериае 1795 г.

соответствии с декретом 13 вантоза»*. Несмотря на это, подготовка к проведению в жизнь декретов осуществлялась крайне медленно.

К рассмотрению результатов работ обеих комиссий Комитеты приступили только в начале термидора, и только 22 июля, то есть за пять дней до контрреволюционного переворота 9 термидора, они решили назначить остальные четыре народные комиссии, как это предусматривал декрет 23 вантоза. Все же в некоторых департаментах была проделана значительная подготовительная работа для осуществления вантозских декретов. Это можно сказать, например, о департаменте Пад-де-Кале, где комиссаром Конвента был в то время робеспьерист Ле-Бон, в департаментах Пюи-де-Дом, Кот д'Ор и в ряде других был осуществлен секвестр имуществ подозрительных, хотя эта мера и не была одобрена Комитетом общественного спасения. Как сообщал в своем докладе Удо 11 брюмера III г. секвестр был осуществлен в 30 департаментах; в 12 из них он был подтвержден представителями народа, т. е. находившимися там в миссиях депутатами Конвента.

Но вантозские декреты так и остались неосуществленными.

Итак, рассмотрение эволюции политических и социальных взглядов и характера практической деятельности Сен-Жюста в годы революции, особенностей его общественного идеала, описанного в «Республиканских установлениях», и его роли в создании проекта вантозских декретов и мерах их осуществления приводит нас к следующим выводам.

Существующие в историографии вопросы разногласия в понимании происхождения, цели и объективного значения этих декретов, фактически отражают гораздо более широкие расхождения в понимании характера самой якобинской диктатуры и роли в ней мелкой буржуазии.

Единственно плодотворным путем изучения закономерностей классовой борьбы, приведшей к возникновению этих декретов, является показанный К. Марксом и Ф. Энгельсом и наиболее полно разработанный в трудах В. И. Ленина подход к якобинской диктатуре, как к диктатуре всех низших классов, в которой революционная мелкая буржуазия, осуществляя политическое руководство диктатурой, в то же время в своей социальной политике, начиная от введения всеобщего максимума и революционного террора в сентябре 1793 г. и вплоть до издания вантозских декретов в конце февраля и начале марта 1794 г., находилась под давлением плебейских масс города и

* Циркуляр был отправлен за подписью Сен-Жюста, хотя тот в это время находился в миссии в Северной армии. См. R. Scherb, Les lois de ventôse... „Annales historiques de la Révolution Française“, 1934, № 5, p. 415.

деревни, властно определявшем направленность, курс этой политики.

Поэтому непосредственные истоки, корни вантозских декретов надо видеть не в отвлеченных эгалитарных воззрениях якобинцев, сложившихся под влиянием философов XVIII в., в частности, Ж. Ж. Руссо, а прежде всего в радикальных уравнивательных требованиях городских плебейских масс периода революции и в результатах непосредственного контакта представителей руководящего ядра якобинцев с этими массами в ходе их практической деятельности.

Например, Сен-Жюст в первые годы революции относился явно отрицательно к мысли о возможности перенесения во Францию уравнивательных тенденций законодательства древней Спарты и пришел к противоположным выводам (хотя и далеким от идей последовательного эгалитаризма) лишь на основании личного опыта периода революции, отразившего, естественно, более широкий опыт социальной борьбы этих лет, в особенности между трудящимися бедняками и туеядцами богачами. Видимо эту особенность развития своих взглядов Сен-Жюст сознавал и сам. В его записной книжке читаем: «Человек научается чему-либо только на собственном опыте».

Таким образом, произведения Руссо помогли Сен-Жюсту в осознании содержания уроков этого опыта и в его попытках в своих «Республиканских установлениях» обобщить его при характеристике идеального общественного и государственного устройства.

На такого рода истоки вантозских декретов указывают такие факты, как выдвижение главой первых идеологов плебса Жаком Ру и левыми якобинцами Эбером и Шометтом еще зимой 1793 г. требования конфискации у богачей награбленных ими богатств, выразившее умонастроения широких масс бедноты, равно как и содержание деятельности Сен-Жюста и других комиссаров Конвента в провинции осенью 1793 г. (после плебейского «натиска» 4.—5 сентября), где они широко практикуют самочинное обложение буржуазии налогом для оказания помощи «неимущим патриотам» и удовлетворения потребностей армии.

После опубликования А. Собулем наиболее полной из дошедших до нас рукописи деловой переписки Сен-Жюста периода его пребывания в Рейнской армии, особенно широко открывается значение этого периода как своего рода практической лаборатории, школы социально-политического опыта, в которой формировались идеи вантозских декретов. Именно здесь окончательно складывается понимание Сен-Жюстом цели революции как освобождения «неимущих патриотов» от гнета нужды, и признание им правомерности разрешения этой задачи за счет богатств буржуазии и врагов революции.

Этот вывод и обусловленные им практические действия Сен-Жюста периода миссии в Рейнскую армию и показывают превращение его в подлинного «якобинца с народом», в представителя социальных интересов и требований городской и сельской бедноты, в которой В. И. Ленин видел самый революционный класс XVIII века²¹⁴.

Факты не только полностью подтверждают вывод А. Собыля о том, что именно в деятельности Сен-Жюста этого периода в Страсбурге его «концепция санкюлотской демократии» проявилась с гораздо большей силой, нежели в его деятельности в Конвенте и его Комитете общественного спасения, но дают основание видеть в социальных и политических мероприятиях, осуществленных Сен-Жюстом и Леба, одно из ярких проявлений особенностей якобинской диктатуры как диктатуры общественных низов.

Таким образом, подлинные корни вантозских декретов залегают весьма глубоко, именно в этих особенностях якобинской диктатуры, в направленности ее *социальной политики*, обусловленной плебейским натиском 4—5 сентября 1793 г. и его последствиями.

Поэтому нам представляется необоснованным стремление А. Собыля умалить *программное*, то есть прежде всего социальное содержание и значение вантозских декретов, утверждая, что «цель этих мероприятий по существу была политической»²¹⁵. Но, видя эту цель в стремлении революционного правительства заручиться поддержкой санкюлотов для закрепления победы революции, а в вантозских декретах средство достижения этой цели, А. Собыль по существу сам признает их социальную природу, хотя и толкует ее очень ограниченно. Эта недооценка важнейшего *социального* аспекта тенденции, заложенной в этом акте якобинской диктатуры (отрицание за врагами революции права владеть собственностью в республике), в котором прежде всего он и был воспринят революционной мелкобуржуазной демократией и санкюлотами, и привела А. Собыля к явному умалению эффекта, произведенного опубликованием этих законов весной 1794 г.

Возможно, что эта точка зрения А. Собыля вызвана стремлением преодолеть иную, противоположную крайность в оценке этих законов, присущую работам Ж. Жореса и А. Матьеза, видевшего в них «программу новой революции».

Рассматривая вантозские декреты как буржуазно-ограниченную попытку осуществления робеспьеристами уравнилельных требований плебейства, как одну из линий социальной политики, обусловленную особенностями мировоззрения вождей

²¹⁴ В. И. Ленин, О врагах народа. Соч., т. 25, стр. 41

²¹⁵ А. Собыль, Великая буржуазная революция 1789—1794 годов..., М., 1960, стр. 150.

якобинской диктатуры, сложившимися под воздействием социальных требований плебейства, и под его давлением, т. е. как акт, органически вытекающий из классовых отношений весны 1791 г., мы, таким образом, отказываемся видеть вместе с Ж. Лефевром²¹⁶ и многими примкнувшими к этой точке зрения историками, в том числе и некоторыми советскими историками в том, что вантозские декреты (а вместе с этим и возлагавшиеся на них беднотой упования) не осуществились — доказательство того, что они представляли собой «чисто политический маневр» робеспьеристов в их борьбе против эбертистов и дантонистов.

Отказываясь видеть политический аспект этих декретов в том, что они представляли собой *лишь* тактический прием робеспьеристов в этой борьбе, а связывая эти декреты в первую очередь с их стратегическими целями, мы тем самым не отрицаем того обстоятельства, что выбор момента для внесения Сен-Жюстом проекта этих декретов был, несомненно, связан с обострением борьбы робеспьеристов против эбертистов. И так как одним из требований последних была конфискация имущества врагов революции и распределение его между нуждающимися патриотами, то беря на себя инициативу в осуществлении этого требования и нанося вслед за этим удар самим эбертистам, робеспьеристы повторяли прием, примененный ими в отношении «бешеных».

Как показывают некоторые рассмотренные в статье материалы, издание этих декретов явилось одной из причин изоляции эбертистов, что и облегчило их разгром. Однако это служебное, подчиненное в данном случае назначение вантозских декретов никоим образом не должно заслонять перед нами ни глубоких корней этой меры в развитии классовой борьбы 1792—1793 гг., ни серьезности намерения робеспьеристов осуществить эти декреты.

В связи с этим мы отказываемся видеть в применении Сен-Жюстом в его докладе, в тексте декретов понятия о «неимущих» и «несчастных» хотя бы малейший оттенок *сознательно* допущенной неопределенности, расплывчатости формулировки²¹⁷.

Нечеткость этого определения отражает хорошо известную пестроту, неоднородность, словом известную *неопределенность* состава городской и сельской бедноты конца XVIII в., что и отразилось в недостаточной определенности понятий, служивших для обозначения этих слоев населения. Если же видеть в при-

²¹⁶ См. Ж. Лефевр, Аграрный вопрос в эпоху террора, стр. 61.

²¹⁷ Ж. Лефевр говорит, что Сен-Жюст, применяя эти далекие от четкости понятия «подготовил возможность» «обходного движения», заключающегося в их толковании, как обозначающих стариков, сирот и инвалидов, чем и воспользовался затем Барер (см. Ж. Лефевр, назв. соч., стр. 62).

менении Сен-Жюстом этих понятий весной 1794 г в связи с вантозскими декретами определенными умысел, то спрашивается — почему же мы находим эти самые понятия в его приказах периода миссии в Рейнскую армию осени 1793 г.? Допустим, что существование этого умысла весной 1794 г. было связано с чисто тактическим характером этих декретов, в серьезность осуществления которых Сен-Жюст не верил и поэтому был заинтересован в максимальной неопределенности всех их основных формулировок. Но ведь никто не усумнится в серьезности стремления Сен-Жюста, как комиссара Рейнской армии, находившейся в момент его прибытия в Страсбург в весьма критическом, опасном положении, путем обложения богачей налогом укрепить ее ближайшие социальные тылы, т. е. облегчить материальное положение городской бедноты? Почему же он в соответствующих приказах, где речь идет о распределении среди нее части этих сумм, не находит иного ее определения, как «неимущие патриоты»? Думается, что уже одно это обстоятельство говорит против приведенного выше допущения. Против него говорит и настойчивость Сен-Жюста в осуществлении вантозских декретов, в их защите от маневра будущих термидорианцев, выступивших в лице Барера с контрпроектом о создании «Книги национальной благотворительности».

Расплывчатость в определении «адресата» вантозских декретов, равно как и показанное Ж Лефевром отсутствие в их тексте определенного, четкого указания на *бесплатный* раздел среди бедноты имущества подозрительных в натуре (т. е. прежде всего их земель), а не денежных сумм, вырученных от его распродажи после включения в фонд национальных имуществ, говорит не о сознательном умысле робеспьеристов, в цели которых в данном случае входило привлечь к себе бедноту, а о том, что противоречивая сущность якобинской буржуазии лишала ее возможности вести цельную социальную политику и найти в составе далекой от однородности «бедноты», как адресата этих законов, ту социальную силу, на которую робеспьеристы могли бы опереться при осуществлении этих декретов.

Указывая на эту слабость якобинцев, В. И. Ленин писал, что «французский Конвент размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры»²¹⁸.

В данном случае силой, на которую робеспьеристы могли опереться, чтобы сломить сопротивление осуществлению вантозских декретов «сверху донизу», т. е. начиная от правых группировок в самом Конвенте, за которыми уже склонна была

повернуть и значительная часть его «болота», и кончая буржуазной по своему составу местной администрацией, были несомненно, предпролетарские элементы сельской бедноты. Но именно это и было недоступно для робеспьеристов. Глубокая противоречивость их социальной природы обуславливала и противоречивость социальной политики руководимой ими диктатуры. Оказавшись после плебейского натиска 4—5 сентября 1793 г. под определяющим воздействием конкретных социальных требований плебейских масс, восприняв до известной степени их понимание целей революции, робеспьеристский «центр» якобинцев, несмотря на явно положительные результаты осуществления этих требований для судеб революции, все же не мог не рассматривать эту плебейскую линию социальной политики, заводившую революцию дальше требований буржуазии, направивших ее против требований солидной и умеренной буржуазии лишь как временную.

Вот почему, в-первых, параллельно и одновременно с осуществлением плебейской линии в социальной политике якобинской диктатуры продолжала существовать и линия защиты собственников, предпринимателей от требований рабочих.

Известно, что принимая закон о всеобщем максимуме, Конвент распространил его и на заработную плату. Но «может быть, нигде мелкобуржуазная природа революционного правительства не сказывалась с такой очевидностью, как в позиции, занятой им в борьбе между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями»²¹⁹. При этом, если соответствующие меры центральной и местных властей широко практиковались уже осенью 1793 г., то они сделались особенно активными, можно сказать, наступательными именно весной 1794 г., то есть непосредственно после принятия вантозских декретов²²⁰. Это связано с тем, что вследствие упрочения внутреннего и внешнего, военного положения якобинской республики и улучшения внутренней экономической конъюнктуры (благоприятные виды на урожай) робеспьеристы сочли время широкого осуществления плебейской линии социальной политики в определенном смысле исчерпанным и приступили к повороту в сторону смягчения режима всеобщего максимума, поощрения внутренней и внешней торговли и т. д.²²¹. 29 марта была упразднена революционная армия — это орудие экономического террора по отношению к сельской буржуазии.

Оставаясь субъективно верными плебейской линии в своем проекте вантозских декретов, поскольку мечта бедноты о земле совпала с их эгалитаристскими аграрными воззрениями, ро-

²¹⁹ Н. М. Лукин, Избр. труды, т. I, М., 1960, стр. 292.

²²⁰ См. там же, стр. 293—306.

²²¹ См. об этом А. Матвеев, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, стр. 419—458.

беспьеристы, естественно, не могли рассчитывать на то, что эти проекты удержат на их стороне сельскую бедноту, коль скоро основное острие всей политики якобинской диктатуры на селе оказалось после издания этих законов направленным *против* интересов и требований плебейских элементов, этой бедноты (если не считать, конечно, мер государственной благотворительности, осуществлявшихся по инициативе скрытых противников вантозских декретов в самом Конвенте и его правительственных Комитетах).

Что касается объективного значения вантозских декретов, то, подчеркивая их органическую внутреннюю связь со всей предшествующей историей якобинской диктатуры, с развитием двух тенденций, противоборствовавших в ее внутренней политике — плебейской и буржуазной, подчеркивая значение социальных мотивов издания этих законов, — мы в то же время решительно отвергаем идеализацию их Матьезом, как начала некой «новой революции».

Свойственная работам этого исследователя идеализация вантозских декретов имеет глубокие социально-психологические корни, ибо она является ярким проявлением идеализации возглавлявшихся Робеспьером революционеров мелкой буржуазии, идеологом потомков которой был в конечном счете Альбер Матьез. Отражением стремлений этих социальных слоев к самоутверждению в особенно трудных для них условиях эпохи империализма и была попытка Матьеза приписать мелкой буржуазии во главе с якобинцами роль особой классовой силы в эпоху буржуазной революции XVIII в.

Мы же видим в анализе соответствующих фактов подтверждение сделанных классиками марксизма-ленинизма прямо противоположных выводов о том, что все попытки мелкой буржуазии «...осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»²²², — писал В. И. Ленин.

Экономические условия жизни мелкой буржуазии таковы, что объединиться, сама себя проявить она не может и поэтому все ее «...попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом»²²³. Мелкие собственники «...своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию»²²⁴.

Вантозские декреты были попыткой робеспьеристов наметить и осуществить свою политику в разрешении проблемы нищеты, бедности. Но эта проблема неразрешима с позиций сохранения частной собственности, ибо, как показал В. И. Ленин,

²²² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 32, стр. 254.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же, стр. 257.

попытка достигнуть этой цели путем постепенного *уравнения* размеров собственности — это утопия мелкого буржуа. «Не может быть *уравнительного пользования* землей, пока есть на свете власть денег, власть капитала. Никакие законы в мире не в силах будут уничтожить неравенство и эксплуатацию, пока остается хозяйство на рынок, пока держится власть денег и сила капитала»²²⁵.

Робеспьеристы же, как известно, надеясь путем вантозских декретов превратить «неимущих патриотов» в мелких земельных собственников, непосредственно вслед за изданием этих декретов взяли в то же время курс именно на поощрение развития «хозяйства на рынок», т. е. пошли «назад» от режима всеобщего максимума.

Мелкобуржуазный характер их эгалитаристской утопии, полагаем, не требует доказательств, а следовательно, отпадают какие-либо основания говорить о «социалистических» тенденциях в вантозских декретах.

Ибо, как показало уже движение Бабефа и «Равных», подлинная суть плебейского понимания равенства в отличие от мелкобуржуазного, чисто эгалитаристского заключалась в требовании превращения земли и других средств производства в общественную собственность («общность имуществ и труда»).

В то же время В. И. Ленин подчеркивал, что будучи утопией в смысле мечты о действительном равенстве, стремление крестьянства к *уравнительному* разделу земли «не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова»²²⁶.

Таким образом, сам по себе план вантозских декретов, при всей его расплывчатости, свидетельствовал о стремлении робеспьеристов к дальнейшему углублению буржуазной революции, к ее дальнейшему развитию по восходящей линии. Среди множества причин, сделавших это невозможным, существенную роль играла отмеченная выше глубокая противоречивость социальной природы якобинцев и социальной политики руководимой ими диктатуры.

Таковы некоторые основные выводы из изучения эволюции взглядов и деятельности Сен-Жюста и его роли в создании проекта и подготовке осуществления вантозских декретов. Выводы эти, как мы видим, тесно связаны с общим пониманием особенностей якобинской диктатуры, как диктатуры низших классов, общественных низов, с присущими ей сильными и слабыми сторонами и не разрешимыми в условиях XVIII в. внутренними противоречиями.

²²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 10., стр. 403.

²²⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 418.